

1001 ночь.

Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник (Волшебная лампа Алладина)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 2](#)
[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 3](#)
[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 4](#)

И невольница поднялась в покои Ала ад-Дина, принесла светильник и дала его евнуху, и тот спустился и отдал его магрибинцу, взял вместо него новый светильник, и потом он поднялся к госпоже Будур, а та все еще смеялась над глупостью этого магрибинца.

Что же касается магрибинца, то, увидя светильник и узнав его, он не поверил своим глазам и, кинув все свои светильники, понесся прочь, словно туча. Он бежал, пока не достиг уединенного места,— а уже наступила ночь,— и вынул светильник, и потерял его, и раб появился перед ним и сказал: «Требуешь чего хочешь!» — «Я хочу от тебя,— сказал магрибинец,— чтобы ты перенес дворец Ала ад-Дина со всем, что в нем есть, и со мной вместе и поставил его в городе колдуна».

Вот что было с проклятым магрибинцем.

А султан на другой день, пробудившись от сна, открыл окно, и выглянул из него, и увидел он перед своим дворцом пустой участок земли, и не увидел там дворца Ала ад-Дина. Он удивился, и нашел это странным, и стал протирать себе глаза и смотреть, но в конце концов убедился, что дворца нет, и не мог он понять, что случилось, и растерялся, и ум его был ошеломлен. Он ударил рукой об руку, и стал плакать о своей дочери, и сейчас же послал за своим везирем, и закричал: «Говори, где дворец Ала ад-Дина?» Услышав эти слова, везирь остолбенел, а султан воскликнул: «Чего ты дивишься моим словам! Подойди, посмотри в окно». И везирь поднялся, и посмотрел в окно, и не увидел ни дворца, ни чего-либо другого, и он тоже растерялся и опешил и стоял перед султаном, словно немой. «Вот причина моей печали и плача»,— молвил султан, а везирь сказал: «Я же говорил тебе раньше, о царь времени, что все это — проделка колдунов, а ты мне не верил». И ярость султана усилилась, и он спросил везиря: «Где Ала ад-Дин?» И везирь ответил: «Он на охоте».

И тогда султан приказал одному из эмиров отправиться со всем своим войском за Ала ад-Дином и привести его, закованного и связанного. И эмир отправился с войском, и прибыл к Ала ад-Дину, и сказал ему: «О господин, не взъищи, таков приказ султана. Я должен взять тебя и привести к нему, закованного и связанного. Извини же меня, ибо я нахожусь под властью султана». Когда Ала ад-Дин услышал эти слова, его охватило удивление. Он не понимал, в чем причина этого, и спросил эмира: «Не знаешь ли ты, в чем здесь причина?» — и эмир молвил: «О владыка, я ничего не знаю»,— и Ала ад-Дин сошел с коня и сказал: «Делай так, как тебе велел султан». И Ала ад-Дина заковали, и связали ему руки, и привели в город, и когда подданные увидели его в таком положении, они поняли, что султан хочет отрубить ему голову, и усилилась их печаль. И они тотчас же поднялись все как один, надели оружие и пошли за Ала ад-Дином, чтобы посмотреть, что султан хочет с ним сделать.

И когда они достигли дворца, султана осведомили об этом, и султан приказал своему палачу отрубить Ала ад-Дину голову; и жители города, увидев это, взволновались и заперли ворота дворца, и некоторые полезли на дворцовые стены, а другие начали ломать двери и бить окна, чтобы войти туда и убить султана. И везирь вошел, и осведомил об этом султана, и сказал ему: «О царь времени, дело твое, видно, идет к концу! Прости его лучше, чтобы подданные не набросились на нас и не убили нас из-за Ала ад-Дина». И султан послал сказать подданным, чтобы они успокоились и что он простил Ала ад-Дина, и тотчас же велел палачу убрать от него руку и приказал привести Ала ад-Дина. И когда Ала ад-Дин явился к султану, он поцеловал перед ним землю и молвил: «О царь времени, я надеюсь, что ты окажешь своему рабу милость и сообщишь мне, за какой грех я заслужил убиение?» — «Обманщик! — воскликнул султан.— Как будто ты не знаешь, в чем твой грех!» И он обратился к везиру и сказал ему: «Возьми его, пусть он посмотрит в окно: где его дворец!» И везирь взял Ала ад-Дина, и тот посмотрел, и не увидел своего дворца, и увидел лишь обширный пустырь, такой, как был раньше, прежде чем построили дворец. И он растерялся, и остолбенел, и не мог понять, что случилось с его дворцом, и султан спросил его: «Ну что? Видел? Где твой дворец? И где моя дочь, кровь моего сердца и мое единственное дитя?!» — «Клянусь жизнью твоей головы, о царь времени,— сказал Ала ад-Дин,— я совсем ничего не знаю». — «Знай,— сказал султан,— что я простил тебя, чтобы ты пошел и отыскал мою дочь, и если ты ее ко мне не приведешь, я отрублю тебе голову». — «О царь времени,— сказал Ала ад-Дин,— дай мне отсрочку на некоторое время, на сорок дней, и, если я не приведу к тебе твоей дочери, отруби мне голову». — «Я даю тебе то, что ты желаешь,— сказал султан,— но не думай, что тебе удастся от меня убежать! Клянусь жизнью моей, я доберусь до тебя, где бы ты ни был». И Ала ад-Дин вышел от султана, грустный и печальный, а что касается жителей города, то они обрадовались его спасению.

И Ала ад-Дин ушел, понунив голову от стыда и позора, и он оставался в городе два дня, не зная что делать и горюя о том, что с ним случилось, и особенно о госпоже Будур, своей жене. А потом он вышел из города, потеряв надежду и повторяя про себя: «Не знаю я, что случилось. Где я найду дворец?» И он шел по пустыне, не зная куда направиться, и наконец оказался возле реки. Он хотел было броситься в реку и убить себя, но потом вернулся к разуму и вручил свое дело Аллаху. И он сел на берегу реки, и задумался, и от великой печали стал ломать руки, и, ломая, руки, задел за перстень, находившийся у него на пальце, и вдруг предстал перед ним раб и воскликнул: «К твоим услугам, требуешь чего хочешь!» И Ала ад-Дин обрадовался и сказал: «О раб перстня, я хочу, чтобы ты принес мне мой дворец и мою жену госпожу Бадр аль-Будур»,— но раб отвечал: «О господин, ты потребовал от меня вещи, которой я не могу сделать, ибо это относится только к рабу светильника». — «Раз это для тебя невозможно,— сказал Ала ад-Дин,— то возьми меня и доставь к тому дворцу». — «Слушаю и повинуюсь!» — воскликнул раб и тотчас же, в мгновение ока, принес Ала ад-Дина к дворцу во внутреннем Магрибе. А уже наступила ночь. И Ала ад-Дин обрадовался, увидев свой дворец, и стал думать, как бы снова достигнуть цели и добыть свою жену Будур. Он положил голову на землю и заснул, так как уже пять-шесть дней не спал, а когда наступило светлое утро, он поднялся, подошел к протекавшему там ручью, вымыл лицо, совершил омовение и сотворил утреннюю молитву, а потом сел под окнами дворца госпожи Бадр аль-Будур, и вот то, что с ним было.

Что же касается госпожи Будур, то от сильного горя из-за разлуки со своим мужем и со своим отцом, султаном, и от дурного обращения с нею грязного магрибинца она постоянно плакала и не спала по ночам. А как раз в это время к ней вошла невольница, желая одеть ее в одежды, и Аллах предопределил, чтобы эта невольница выглянула из окна и увидела Ала ад-Дина под окнами дворца. «Госпожа, госпожа! Подойди, погляди, мой господин под окнами дворца»,— воскликнула она. И госпожа Будур поднялась и открыла окно, и Ала ад-Дин поднял голову и увидел ее. Она приветствовала Ала ад-Дина, и Ала ад-Дин приветствовал ее, и оба они улетали от радости — и потом царевна сказала: «Встань и войди к нам через потайную дверь, ибо этого проклятого сейчас здесь нет». И она приказала невольнице, и та спустилась и открыла Ала ад-Дину дверь, а госпожа Будур встала и вышла ему навстречу, и они обнялись плача, и Ала ад-Дин молвил: «О моя любимая, я хочу у тебя кое-что спросить. Я оставил в своей комнате с старый медный светильник. Ты его видела?» И госпожа Будур вздохнула и молвила: «О любимый, он и был причиной того, что с нами случилось». И Ала ад-Дин сказал: «Расскажи мне, что произошло».

И царевна рассказала ему, как она выменяла светильник у магрибинца на новый светильник, и продолжала: «А на следующий день мы увидели себя в этом месте, и магрибинец рассказал мне, что он перенес сюда дворец благодаря силе этого светильника, и теперь, мой любимый, мы находимся в землях внутреннего Магриба». — «Расскажи мне про этого проклятого: что он тебе говорил и чего он хочет»,— сказал Ала ад-Дин, и царевна молвила: «Каждый день он приходит один раз, не больше, и соблазняет меня, чтобы я с ним спала и взяла его вместо тебя. Он говорит, что мой отец, султан, отрубил тебе голову, и еще он сказал, что ты был бедняком, сыном бедняка, и что он, магрибинец, был причиной твоего богатства. Он проявляет ко мне полную любовь, а я к нему — полную ненависть». — «А ты не знаешь, куда он прячет светильник?» — спросил ее Ала ад-Дин. И она сказала: «Он постоянно носит его с собой и не расстаётся с ним. Он вынимал его из-за пазухи и показывал его мне». И Ала ад-Дин обрадовался и воскликнул: «Я сейчас от тебя уйду, а ты вели одной из невольниц все

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

время стоять у потайной двери, чтобы, когда я потребую, она открыла мне дверью А я придумаю хитрость против этого проклятого».

И затем Ала ад–Дин вышел и пошел по степи. Он увидел одного феллаха и сказал ему: «О дядюшка, возьми мою одежду и дай мне твою»,— и феллах скинул свою одежду, и Ала ад–Дин взял ее и надел. Потом он отправился в город, на рынок москательщиков, и купил на два дирхема банджа и вернулся во дворец, и когда невольница, стоявшая у потайной двери, увидела его, она открыла ему. И он вошел к своей жене, госпоже Будур, и сказал ей: «Я хочу, чтобы ты бросила печаль и проявила к этому проклятому дружелюбие и приязнь. Скажи ему со смеющимся лицом: «Приходи сегодня вечером, и мы поужинаем. До каких пор я буду грустить?» И прояви к нему великую любовь и скажи, что ты хочешь с ним выпить. Поднеси ему одну чашу за другой, пока он не выпьет несколько чаш, и потом положи ему в чашу этот бандж и напои его, а когда он опрокинется на затылок, покричи меня».— «Вот оно, правильное решение! — воскликнула госпожа Будур.— Это мне нетрудно».

Потом Ала ад–Дин поел и насытился и затем встал и вышел, а госпожа Будур поднялась, позвала служанку, приоделась, разукрасилась и надушилась благовониями, и вдруг вошел магрибинец и увидел ее в таком убранстве. Он обрадовался и развеселился, и грудь у него расширилась, особенно когда госпожа Будур встретила его с приветливым и смеющимся лицом, а она взяла его за руку, и посадила с собою рядом, и сказала: «О мой любимый, если желаешь, приходи и поужинай со мной сегодня вечером. До каких пор я буду грустить? Хватит! Я потеряла надежду вновь увидеть Ала ад–Дина и моего отца и хочу, чтобы ты мне их заменил. У меня ведь никого не осталось, кроме тебя. Надеюсь, что ты придешь сегодня вечером и мы вместе поужинаем, но я хочу, чтобы ты принес мне немножко вина, и пусть это будет вино хорошее, превосходное, из вин твоей родины. У меня тоже есть вино, но я хочу попробовать вина этой страны». И когда магрибинец услышал слова госпожи Будур и увидел с ее стороны знаки любви, он обрадовался великой радостью и вскричал: «Слушаю и повинуюсь, о моя возлюбленная! Я пойду и куплю все, что ты хочешь!» А госпожа Будур для того, чтобы еще больше обмануть его, сказала: «Зачем тебе самому идти? Пошли кого–нибудь из твоих рабов!» Но магрибинец воскликнул: «Клянусь твоими глазами, никто не пойдет покупать вино, кроме меня».

И он пошел и купил превосходного вина, которое свалит с ног медведя, и вернулся к царевне, и невольницы поставили перед ними столик и подали ужин. И они стали есть и пить, а невольницы наполняли их чаши вином, и они пили, и так продолжалось до тех пор, пока у магрибинца от опьянения не закружилась голова, и тогда госпожа Будур сказала ему: «О мой любимый, у нас в стране есть такой обычай: в конце трапезы любимая наливает возлюбленному чашу вина, и эта чаша бывает последней». И она тотчас же наполнила чашу, бросила в нее бандж и подала ему, а магрибинец от великой радости выпил чашу и не оставил там ни одной капли. И спустя недолгое время он перевернулся и упал вниз лицом, словно убитый, не владея ни рукой, ни ногой, и тогда невольница поспешно позвала своего господина Ала ад–Дина и открыла ему двери. И Ала ад–Дин вошел и увидел, что магрибинец лежит, точно убитый, и обнажил меч, и отсек магрибинцу голову, а затем обернулся к госпоже Будур и сказал ей: «Выйди отсюда со своими невольницами и оставь меня одного».

И госпожа Будур вышла и невольницы с нею, и они заперли дверь, и тогда Ала ад–Дин протянул руку, и вынул светильник из кармана магрибинца, и потерял его. И раб джинн появился перед ним и сказал: «Требуя чего хочешь!» — и Ала ад–Дин молвил: «Я хочу, чтобы ты поставил этот дворец на место, туда, где он был»,— и раб отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И тогда Ала ад–Дин вышел и обнял свою жену, и поцеловал ее, а она поцеловала его, а марида в мгновение ока перенес дворец и поставил его на место. И Ала ад–Дин с женой сели за столик, и ели, и пили, и веселились до тех пор, пока не пришло время спать, и тогда они поднялись, легли в постель и заснули, и оба улетали от радости, особенно госпожа Будур, так как она была уверена, что завтрашний день наутро увидит своего отца, султана. Вот что было с Ала ад–Дином.

Что же касается султана, то он всякий день неизменно плакал и бил себя по лицу, горя о своей дочери, так как она была у него единственная, и каждое утро он выглядывал из окон дворца, и смотрел, и говорил: «А вдруг!.. Может быть?» — и плакал о своей дочери. И в тот день утром султан тоже встал, и, как обычно, выглянул из окна, и увидел перед собой строение. Он подумал, что его глаза затуманились, и стал их тереть, и все смотрел, пока не убедился, что это дворец Ала ад–Дина, и тогда он тотчас же кликнул рабов и сказал им: «Приведите коня!» И он сел и поехал ко дворцу Ала ад–Дина, и Ала ад–Дин вышел, и встретил султана, и ввел его к дочери, госпоже Будур, а госпожа Бадр аль–Будур поднялась и встретила своего отца. И султан обнял ее и начал плакать, и она тоже плакала, и потом они сели, и царевна стала рассказывать своему отцу обо всем, что с ней случилось, и в заключение сказала: «Клянусь твоей жизнью, отец, душа вернулась ко мне только вчера, когда я увидела моего мужа и возлюбленного Ала ад–Дина. А до того из–за проклятого колдуна мной владели печаль и горе, которых не описать». И она рассказала султану, как выменяла у магрибинца старый светильник на новый, и добавила: «Я ведь ничего не знала о достоинствах этого светильника. А на следующий день, когда он взял его, мы увидели себя в другой стране, во внутреннем Магрибе, но потом пришел Ала ад–Дин, мой муж, и придумал хитрость, и убил его. Хвала Аллаху, который избавил нас от зла этого проклятого! А когда мой муж убил его, он сказал мне: «Выйди вместе со своими невольницами»,— и я вышла и не знаю, что он сделал, чтобы перенести нас сюда». И Ала ад–Дин сказал: «О царь времени, я ничего не сделал, а только сунул руку к магрибинцу в карман, так как госпожа Будур рассказала мне, что он кладет светильник в карман, и вынул светильник, и приказал рабу светильника перенести нас и доставить в эту страну. Встань же, о счастливый царь, и посмотри на этого проклятого магрибинца, который лежит убитый в другой комнате». И царь поднялся, и вошел туда, и увидел проклятого магрибинца, который был убит, и тогда он велел разрубить его тело и сжечь в огне. А потом султан обнял Ала ад–Дина, поцеловал его, и поблагодарил за все его труды, и сказал: «Извини меня, дитя мое, за то, что я с тобой сделал! Мне простительно, так как это моя единственная дочь».— «О царь времени, ты не сделал со мной ничего против справедливости»,— ответил Ала ад–Дин; и потом султан велел начать торжества по случаю находки его дочери, а магрибинца сожгли и развеяли его прах по воздуху.

И рассказывают, что у того проклятого магрибинца был брат, тоже проклятый, еще хуже его колдовством и чародейством, и случилось так, что этот брат стал гадать на песке, и составил гороскоп, и пожелал узнать, что случилось с его братом. Он увидел, что брат его умер, и опечалился, и огорчился, и погадал на песке второй раз, чтобы посмотреть, какова причина его смерти и в каком городе он умер, и узнал, что брата его убили в странах Китая, и сожгли его тело, и развеяли прах по воздуху, и что тот, кто его убил,— это юноша, имя которому Ала ад–Дин. Он узнал всю его историю, и происшествие со светильником, и прочее; и когда он увидел все это на своем песке, он тотчас же встал, и снарядился, и ехал до тех пор, пока не достиг стран Китая. Он вошел в столицу царства, то есть в город, где находился Ала ад–Дин, и поселился на постоялом дворе, и отдохнул два или три дня, а потом стал придумывать хитрость, чтобы убить Ала ад–Дина.

И он спустился в город, и пришел в одно место, где люди играли в шахматы, и услышал, что они говорят про одну старуху, которую зовут Фатима. Это была благочестивая старуха, которая обитала в пустыне и приходила в город только два раза в неделю, и люди восхваляли ее и воздавали ей великий почет. И брат магрибинца обратился к одному из говоривших и спросил его: «О дядюшка, что это я слышу, вы говорите о чудесах одной женщины, которую зовут Фатимой? Расскажи мне, где она и где ее местожительство. Я чужеземец, и я попал в беду и хочу пойти к ней и попросить, чтобы она за меня помолилась. Быть может, Аллах великий тогда устранил от меня беду». И тот человек вывел его за город и показал ему издали жилище Фатимы — а эта богомольная Фатима жила в пещере, на вершине горы,— и магрибинец поблагодарил его за его милость, и вернулся к себе домой, и провел там ночь, а утром спустился в город, и Аллах предопределил, чтобы это было в тот день, когда Фатима приходила в город.

И когда магрибинец ходил по городу, он увидел, что люди собираются толпами, и спросил в чем дело, и ему сказали: «Вот она там, благочестивая Фатима». И магрибинец следовал за нею из одного места в другое, пока не наступил вечер, и тогда Фатима вернулась з свое жилище за городом, и магрибинец шел за ней издали, пока она не достигла своей пещеры. И он подождал, пока миновала треть ночи, и, когда Фатима легла спать, вошел к ней и увидел, что она лежит на спине, на куске циновки. И тогда он схватил Фатиму за голову, вынул кинжал и закричал на нее, и Фатима пробудилась и увидела, что магрибинец держит ее за голову и в руке у него обнаженный кинжал, и чуть не умерла от горя и страха. «Если ты заговоришь или закричишь,— сказал магрибинец,— я убью тебя! А теперь встань и сделай то, что я потребую». И он дал ей великие клятвы, что не убьет ее, если она его послушается, и Фатима поднялась, и магрибинец сказал ей: «Дай мне твою одежду и возьми мою». И она отдала ему свои лохмотья, головную повязку, платок и покрывало, и магрибинец сказал: «Этого недостаточно, нужно, чтобы ты меня чем–нибудь помазала и мое лицо стало бы таким, как твое лицо». И Фатима поднялась и вынула из глубины пещеры кувшин, в котором было немножко масла, взяла его одну каплю и намазала им лицо магрибинца, и оно стало такого же цвета, как ее лицо. Потом она одела магрибинца в свою одежду, повязала ему повязку и дала ему свой посох, а на шею ему повесила четки и научила его, что ему делать, когда он будет ходить по улицам города, и затем она дала ему зеркало и сказала: «Посмотри–ка те перь на свое лицо! Тебе ни за что не отличить его от моего». И магрибинец посмотрел на себя в зеркало и уви дел, что он ничем не отличается от

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Фатимы, и тогда он вы тащил кинжал, и убил ее, и закопал на склоне горы. Он подождал, пока засияло солнце, и спустился в город, и люди собрались возле него и стали брать у него благословение и не сомневались они, что это Фатима, и народ толпился вокруг него.

А все это происходило под окнами дворца госпожи Бадр аль-Будур, и она услышала шум толпы и спросила невольниц, что случилось, и те сказали: «О госпожа, это Фатима благочестивая спустилась сегодня в город, и люди толпятся вокруг нее, чтобы получить от нее благословение». И тогда царевна обратилась к евнуху и сказала ему: «Пойди и приведи к нам Фатиму, чтобы нам взять от нее благословение. Я много слыхала об ее чудесах и желаю ее увидеть». И евнух пошел и привел к ней магрибинца, одетого в одежду Фати-мы, и, когда магрибинец предстал перед госпожой Будур, он пустил в ход свои обманы, а госпожа Будур встретила его с полным уважением и сказала: «О госпожа Фатима, я хочу, чтобы ты побыла у меня. Я получу от тебя благословение, и ты научишь меня своим достоинствам». А это было пределом желания магрибинца, и он сказал, госпоже Будур: «О госпожа, я женщина бедная и обитаю в пустыне, и не годится мне жить во дворцах царей».— «О госпожа моя Фатима,— ответила госпожа Будур,— не отказывай мне в моей просьбе. Я отведу тебе комнату, и ты будешь молиться там великому Аллаху».— «Раз таково твое желание, о госпожа, я не хочу тебе перечить,— ответил магрибинец,— но я не буду с вами ни есть, ни пить, а стану есть, пить и молиться Аллаху в моей комнатке». А этот проклятый сказал такие слова из опасения, что, если он будет есть с ними, ему придется откинуть ото рта покрывало и его узнают. «О госпожа моя Фатима,— молвила госпожа Будур,— мы сделаем так, как ты хочешь. Пойдем, госпожа Фатима, я покажу тебе мой дворец». И она взяла магрибинца, и поднялась с ним в свои покои, и показала ему уже известную комнату с решетками, сплошь украшенными драгоценными камнями. «Как ты находишь мой дворец, о госпожа Фатима?» — спросила царевна. И магрибинец ответил: «Клянусь Аллахом, он красив до предела! Аллах да сделает тебя в нем счастливой! Но увы, в нем не хватает одной вещи».— «Чего же в нем не хватает, госпожа Фатима?» — спросила госпожа Будур, и магрибинец молвил: «В нем не хватает большого яйца птицы рухх, чтобы повесить его посреди комнаты. А рухх, госпожа моя,— большая птица, которая унесет в когтях целого верблюда, и ее можно найти только на горе Каф. Мастер, который построил и возвел дворец, может принести яйцо рухха». И затем они оставили этот разговор, и госпожа Бадр аль-Будур отвела магрибинцу комнату, чтобы он молился в ней Аллаху, и проклятый магрибинец сидел там.

А когда наступил вечер, пришел Ала ад-Дин и вошел к своей жене госпоже Будур. Он приветствовал ее, и поцеловал, и увидел, что она озабочена и не такова, как обычно, и спросил: «Все ли хорошо, если хочет того Аллах? Какова причина твоей заботы?» И госпожа Будур ответила: «Я думала, что мой дворец совершенный, а оказывается, в нем недостает яйца рухха, которое висело бы в нем».— «И это все, что тебя огорчает?! — воскликнул Ала ад-Дин.— О любимая, я принесу тебе яйцо рухха как можно скорей! Будь же довольна!» И Ала ад-Дин тотчас же поднялся, вошел в свою комнату, взял светильник и потер его, и джинн появился перед ним и сказал: «Требуй чего хочешь!» — «Я хочу от тебя,— сказал Ала ад-Дин,— чтобы ты принес мне яйцо рухха, и я повешу его посреди покоев моей жены». И когда джинн услышал эти слова, он разгневался, и закричал на Ала ад-Дина, и сказал ему: «О неблагодарный, тебе мало того, что я и все джинны, рабы светильника, служили тебе превыше возможностей, и ты еще требуешь, чтобы мы принесли к тебе нашу госпожу для твоего развлечения и развлечения твоей жены. Если бы я знал, что у вас будет такая просьба, я бы дунул на тебя и на твою жену, и вы бы взлетели и оказались между небом и землей, и постарался бы вас погубить. Но причина этого не в тебе, а в этом проклятом брате магрибинца, который находится в твоём дворце и прикидывается Фатимой-богомолицей. Он ведь убил Фатиму и оделся в ее одежду, чтобы погубить тебя и отомстить за своего брата».

И раб-джинн произнес эти слова и исчез, и когда Ала ад-Дин услышал такие речи, он растерялся, и тотчас же встал, и вошел к своей жене. Он сделал вид, что у него болит голова, и госпожа Будур сказала ему: «У нас находится благочестивая Фатима. Я ее приведу, и она положит руку тебе на голову, и боль пройдет». И она пошла и привела магрибинца, и тот подошел и приветствовал Ала ад-Дина, а Ала ад-Дин сказал ему: «Добро пожаловать»,— и молвил: «О госпожа моя Фатима, у меня болит голова, а твои благословенные качества излечивают больного». И магрибинец подошел к нему,— а он спрятал под одеждой нож, которым можно резать булат,— и, приблизившись к Ала ад-Дину, сделал вид, что хочет положить руку ему на голову, чтобы прошла боль, а на самом деле он хотел захватить его врасплох, ударить ножом и убить. А Ала ад-Дин следил за магрибинцем, и когда магрибинец подошел к нему, он тотчас же вытащил кинжал и воткнул его в магрибинца, и тот упал убитый. И госпожа Будур вскрикнула: «Как это ты убил благочестивую Фатиму, творящую чудеса!» И Ала ад-Дин сказал: «Я убил не Фатиму, а того, кто убил ее. Это брат магрибинца-колдуна, и он пришел из своей страны, чтобы отомстить за своего брата. Это он научил тебя попросить у меня яйцо рухха, чтобы произошла оттого моя гибель и твоя гибель, а если ты не веришь моим словам, отбрось от его рта покрывало и посмотри: Фатима ли это благочестивая или магрибинец?»

И госпожа Бадр аль-Будур подошла, и откинула покрывало, и увидела, что это мужчина, у которого все лицо закрыто бородой, и тогда она поняла, что ее муж Ала ад-Дин сказал правду, и воскликнула: «О мой любимый, два раза я подвергала тебя опасности гибели!» И она обняла Ала ад-Дина и поцеловала его, и Ала ад-Дин молвил: «Не беда, о любимая! Слава Аллаху, который избавил нас от зла этих двух проклятых магрибинцев!»

А в это время пришел к ним султан, и они рассказали ему обо всем, что случилось из-за брата магрибинца, и показали его труп, и тогда султан велел его сжечь так же, как его брата, и его сожгли и развеяли прах по воздуху. И Ала ад-Дин со своей женой, госпожой Будур, проводили время в веселье и радости, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний — смерть».

РАССКАЗ ПРО АЛА АД-ДИНА И ВОЛШЕБНЫЙ СВЕТИЛЬНИК

Стр. 337. Человек магрибинской породы — уроженец Магриба, северо-западной Африки.

Стр. 339. Набиз — финиковое вино.

Стр. 340. Хинд — название Индии в целом, принятое у средневековых арабских авторов; Синд — северо-западная ее часть; Медина — город в Аравии, где похоронен пророк Мухаммед.

Стр. 344. Пятничная молитва — особо торжественная молитва, совершаемая мусульманином по пятницам в соборной мечети.

Стр. 350. Ифракия — северная часть Магриба, территория которой примерно совпадает с территорией современной Ливии.

Калкас — мифический город в Ифракии.

Стр. 354. ...один из фараоновых великанов...—Согласно арабской легенде, свиту фараона составляли существа огромного роста.

Стр. 357. Кират — мера веса в одну двадцатую мискаля (0,212 г).

Стр. 377. ...чтобы ты сошел с коня у дверей дивана...— В знак особого уважения Ала ад-Диву разрежево въехать в ворота дворца и проехать по двору на коне, вместо того чтобы спешиться у ворот дворца, как это положено по придворному этикету.

Стр. 379. Зу-ль-Карнейн (букв.: «двурогий») — так арабы называли Александра Македонского за его головной убор, напоминающий рога. Здесь, возможно, намек или на то, что в своих походах Александр Македонский дошел до «земель мрака», где царит вечная ночь, или же на ночные пиршества, которые устраивал полководец после военных побед.

Стр. 388. Феллах — землепашец, крестьянин.

Стр. 393. Рухх — сказочная птица огромных размеров.